

**Сбор демографической информации
о трансгендерных респондентах:
методологические рекомендации**

Яна Кирей-Ситникова

(yana.kirey.sitnikova@gmail.com), Евразийская
коалиция по здоровью, правам, гендерному и
сексуальному многообразию, Эстония.

**Collection of demographic data
on transgender respondents:
methodological recommendations**

Yana Kirey-Sitnikova

(yana.kirey.sitnikova@gmail.com),
Eurasian Coalition on Health, Rights,
Gender and Sexual Diversity, Estonia.

Резюме: Пол человека представляет собой многокомпонентную систему, состоящую из биологического пола, социального пола (гендера) и психического пола (гендерной идентичности). В то время как для целей большинства социальных и психологических исследований эту сложную систему можно свести до бинарных понятий «женщина» и «мужчина», в случае интерсекс- и трансгендерных респондентов такое упрощение неприемлемо. Настоящая статья призвана дать практические рекомендации исследователям по сбору демографической информации о трансгендерных респондентах, учитывая многомерную и изменчивую природу пола/гендера. Разбираются некоторые отрицательные примеры, такие как добавление категории «третьего пола», смешивание гендерной идентичности и сексуальной ориентации, неучёт изменчивости составляющих биологического пола в связи с заместительной гормональной терапией и хирургическими операциями. Даются рекомендации по разделному сбору информации о гендерной идентичности, поле, приписанном при рождении, гендерном самовыражении и сексуальной ориентации трансгендерных людей. В конце описаны сложности и рекомендации по формированию репрезентативной выборки трансгендерных людей.

Ключевые слова: трансгендерность, пол, гендер, гендерная идентичность, сексуальная ориентация.

Для цитирования: Кирей-Ситникова, Я. (2022). Сбор демографической информации о трансгендерных респондентах: методологические рекомендации. Демографическое обозрение, 9(1), 82-90. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i1.14574>

Abstract: Human sex is a multicomponent system that consists of biological sex, social sex (gender), and psychic sex (gender identity). While this complex system can be reduced to binary categories of “women” and “men” for the purposes of most social and psychological studies, such a simplification is not acceptable in the case of intersex and transgender respondents. The present article seeks to give practical recommendations to researchers wishing to collect demographic data on transgender respondents, taking into consideration the multidimensional and variable character of sex/gender. We review some negative examples, such as the addition of a “third sex” category, the mixing together of gender identity and sexual orientation, and the failure to take into account the variability of components of biological sex as a result of hormone-replacement therapy and surgical interventions. We provide recommendations on the separate collection of data on gender identity, sex assigned at birth, gender expression, and sexual orientation of transgender people. Finally, we discuss challenges in forming a representative sample of transgender individuals and give some recommendations.

Keywords: transgender, sex, gender, gender identity, sexual orientation.

For citation: Kirey-Sitnikova, Y. (2022). Collection of demographic data on transgender respondents: methodological recommendations. Demographic Review, 9(1), 82-90. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i1.14574>

Введение

Пол человека представляет собой многокомпонентную систему, состоящую из биологического пола (в свою очередь состоящего из гаметного, хромосомного, гонадного, морфологического и гормонального пола), социального пола (гендера) и психического пола (в современных исследованиях применяется термин «гендерная идентичность») (Бухановский, Андреев 1993). Исследователи выделяют и другие компоненты, например, гражданский и психосексуальный пол (Белкин 2000). В общей популяции компоненты данной системы, также известной как гендерно-половое пространство (Кирей-Ситникова 2015), статистически ассоциированы таким образом, что человек с XX-хромосомами с более чем 99%-й вероятностью будет иметь матку и вагину, высокий уровень эстрогенов и низкий уровень тестостерона, ощущать себя и представляться в обществе как женщина. Благодаря указанной ассоциации в быту и в большинстве социальных и психологических исследований с участием общей популяции многомерную гендерно-половую систему можно упростить, сведя до бинарных понятий «женщина» и «мужчина». Тем не менее имеется как минимум 2 группы, для которых такое упрощение не работает. Интерсексы — это люди, рождённые с половыми характеристиками, которые не вписываются в стереотипы бинарной системы восприятия мужского и женского тела¹. Например, при нечувствительности к андрогенам люди с XY-хромосомами выглядят как фенотипические женщины из-за того, что клетки их тела не реагируют на вырабатываемые организмом андрогены (Hughes et al. 2012). Вторым случаем является трансгендерность, под которой, как правило, понимается несовпадение гендера и гендерной идентичности, с одной стороны, и пола, приписанного при рождении, с другой. В случае как интерсексов, так и трансгендерных людей распространён (транс)гендерный переход (в просторечии «смена пола»), обозначающий движение в гендерно-половом пространстве (Кирей-Ситникова 2015). Переход может состоять в изменении первичных и вторичных половых характеристик путём проведения заместительной гормональной терапии и хирургических операций (медицинский переход), внешности и гендерной роли (социальный переход) и/или гражданского пола (юридический переход). Из сказанного следует, во-первых, что пол человека является многомерной конструкцией, а во-вторых, что большинство компонентов пола (за исключением генов и хромосом) изменчивы. Таким образом, в социальных и психологических исследованиях интерсексов и трансгендерных людей мы не можем пользоваться упрощённым разделением на женщин и мужчин. Данная статья рассматривает подходы к учёту многомерности и изменчивости пола в количественных исследованиях и даёт рекомендации по лучшим практикам сбора демографических данных о поле, гендере, гендерной идентичности и сексуальной ориентации трансгендерных респондентов.

Существующие практики и их критика

Нами был проведён систематизированный поиск в базе РИНЦ по ключевым словам «трансгендер» и «транссексуал» для выявления существующих практик сбора информации о поле и гендере трансгендерных респондентов среди русскоязычных исследователей. В связи с недостаточным числом эмпирических исследований был проведён дополнительный поиск на сайтах постсоветских ЛГБТ-организаций (организаций

¹ Кампания ООН «Свободные и равные». Интерсекс. URL: <https://www.unfe.org/wp-content/uploads/2018/10/Intersex-RU.pdf>

лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендерных людей). В данном разделе рассмотрен ряд примеров того, как исследователи пытаются «включить» трансгендерных респондентов, с объяснением недостатков используемых подходов. В следующем разделе предложены рекомендации.

Отсутствие информации о методологии

В отдельных научных публикациях (Демедецкая, Кумченко 2016; Покровская и др. 2016; Иванова 2018; Ларькина, Почебут 2021) информация о методологии сбора данных о поле и гендере респондентов, все или часть которых отнесена к трансгендерным, отсутствует, что делает затруднительной интерпретацию результатов сторонними читателями.

Добавление «третьего пола»

Наиболее простым способом «включения» трансгендерных респондентов является добавление к привычным опциям «женщина» и «мужчина» третьей опции, которая может называться «другое/иное», «трансгендер», «третий пол» и подобным образом. Такой постановке вопроса способствует введение возможности указания «третьего пола» в идентификационных документах в ряде стран, включая Непал, Пакистан, Австралию, Германию и др. (Schotel, Mügge 2021). Хотя на русском языке не удалось обнаружить публикаций, использующих вопросы с такими вариантами ответов, они часто встречаются в англоязычных публикациях и даже были рекомендованы не далее как в марте 2022 г. (National Academies... 2022). Данный подход основан на предположении, что трансгендерные люди являются ни женщинами, ни мужчинами, а «другой» категорией. Это противоречит данным, в том числе среди русскоязычных респондентов, показывающим, что, хотя значительная часть трансгендерных людей определяет себя за пределами бинарных категорий (например, как «небинарные», «гендерквир» или «агендеры»), многие идентифицируют себя с бинарными категориями (например, как «женщины», «трансгендерные женщины», «мужчины», «трансгендерные мужчины», «транссексуальные мужчины» или «ФТМ») (Симакова, Савина 2015: 72; Kirey-Sitnikova 2017: 83). Таким образом, отвечая на вопрос о поле/гендере, содержащий «третью» опцию, значительная часть трансгендерных респондентов обозначит себя как женщин или мужчин либо откажется от ответа, в результате чего истинное их число останется неизвестным. Согласно одному из исследований, число трансгендерных респондентов, полученное с использованием данной формулировки, получается в 2 раза заниженным по сравнению с числом, полученным при использовании отдельных вопросов о гендерной идентичности и поле, приписанном при рождении (Tate, Ledbetter, Youssef 2013), как будет рекомендовано ниже.

Смешивание гендерной идентичности и сексуальной ориентации

В некоторых старых исследованиях ЛГБТ-сообщества присутствует смешение вопросов про гендерную идентичность и сексуальную ориентацию. Так, в опросе, проведенном молдавской ЛГБТ-организацией «Гендердок-М» в 2010-11 гг.², присутствует вопрос про самоидентификацию с вариантами ответов: «гей», «лесбиянка», «бисексуальный мужчина», «бисексуальная женщина», «трансгендер». Вместе с тем трансгендерные люди

² Центр информирования Гендердок-М. Результаты интервьюирования сообщества ЛГБТ. URL: <https://www.ilga-europe.org/sites/default/files/Attachments/moldova - final product.pdf>

могут обладать различными типами сексуального влечения. Например, опрос в России выявил у 30% трансгендерных женщин гетеросексуальную ориентацию относительно гендерной идентичности, 14% — гомосексуальную ориентацию, 47% — бисексуальную, ещё 6% назвали себя асексуалками (Семенова, Шмик, В 2013). Отвечая на вопрос, сформулированный в данной выше формулировке, трансгендерные респонденты, имеющие би- или гомосексуальную ориентацию, оказываются поставленными перед выбором между своей гендерной и сексуальной идентичностями.

Помимо этого, смешение гендерной идентичности и сексуальной ориентации может произойти, если задаётся вопрос лишь об ориентации. Например, при оценке потребностей ЛГБТ в Бишкеке³ задавались вопросы о поле, приписанном при рождении, и сексуальной ориентации, однако вопрос о гендерной идентичности отсутствовал. В результате часть респондентов указала «трансгендер» и «транссексуал» при ответе на вопрос о сексуальной ориентации.

Статичный биологический пол

В более современных опросниках можно заметить верную тенденцию на разделение вопросов о различных компонентах пола, однако недостаточный учёт нюансов всё же делает эти вопросы некорректными. В качестве примера можно привести исследование демографических характеристик российских гомосексуалов (Толкачев 2021), в котором присутствует вопрос «Совпадает ли Ваш биологический пол с гендером?» Респонденты, чей биологический пол совпадал с гендером, были определены как цисгендерные, в случае несовпадения — как трансгендерные. Данный подход не учитывает изменчивости некоторых компонентов биологического пола под действием гормонотерапии или хирургических операций. В результате, например, трансгендерные женщины, не прошедшие генитальную операцию, могли указывать свой биологический пол как мужской, а прошедшие — как женский, т. е. вопрос не разделяет трансгендерных и цисгендерных респондентов. Также неясно, какой ответ следовало выбрать людям с небинарной гендерной идентичностью или живущим вне рамок бинарных гендерных ролей.

Рекомендации по сбору данных о поле, гендере, гендерной идентичности и сексуальной ориентации

Современные англоязычные рекомендации по сбору демографической информации о трансгендерных пациентах указывают на необходимость включения как минимум двух вопросов: о гендерной идентичности и о поле, приписанном при рождении (Tate, Ledbetter, Youssef 2013).

Термин «пол, приписанный при рождении» призван акцентировать внимание на социальном характере «приписывания» пола интерсексам в случае неясного морфологического пола (American Psychological Association 2015: 862; Timmermans et al. 2019) и, таким образом, не идентичен понятию «биологический пол» ни при рождении, ни, тем более, во взрослом возрасте. В то время как вопросы о поле, приписанном при

³ Лабрис, Кыргыз Индиго (2017). Оценка потребностей лесбиянок, геев, бисексуалок, бисексуалов и квир города Бишкек. <https://ecom.ngo/wp-content/uploads/2018/01/otsenka-potrebnostej-LGBT-Ky-rgy-zstan-2017.pdf>

рождении, могут вводить в заблуждение в отдельных ситуациях, особенно при присутствии в опросе большого числа интерсексов (Alpert, Ruddick, Manzano 2021), для большинства исследований трансгендерных людей данный вопрос является простым и эффективным способом установить, в каком гендере воспитывались респонденты и направление их перехода. Поскольку ни в одной из постсоветских стран в официальных документах не признан «третий пол», на вопрос о поле, приписанном при рождении, надо предлагать закрытый список из двух ответов: «женский» и «мужской». Информацию о гендерной идентичности респондентов можно собирать различными способами: предлагая выбор из закрытого числа опций (например, «женщина», «мужчина», «небинарная персона») или предоставляя свободное поле (из постсоветских примеров можно привести (Kirey-Sitnikova 2017; Kirey-Sitnikova 2021)). В вопросе о гендерной идентичности полезно привести определение этого понятия и, в случае открытого вопроса, набор примеров идентичностей, например, «женщина», «транс* мужчина», «гендерквир», «ФТМ» и так далее. Согласно собственному опыту автора, на вопрос о гендерной идентичности отвечает до 99% респондентов, о поле, приписанном при рождении, — до 100%, что свидетельствует о хорошем понимании и приемлемости этих вопросов для трансгендерных людей. Определённую сложность для статистического анализа при открытом типе вопроса представляют случаи указания респондентами одновременно двух и более идентичностей: например, «трансгендерная женщина» и «гендерквир». Кодирование таких ответов требует определённой креативности со стороны исследователя и зависит от конечных целей исследования.

Комбинацию из ответов на 2 упомянутых вопроса можно использовать в качестве критерия включения-исключения, чтобы отобрать трансгендерных респондентов: при несовпадении гендерной идентичности с полом, приписанным при рождении, респондент считается трансгендерным, при совпадении — цисгендерным.

Указанные 2 вопроса не являются исчерпывающими для понимания гендерно-половых характеристик трансгендерных респондентов. Важно отметить, что понятия «гендер» и «гендерная идентичность» не являются синонимичными: например, человек, идентифицирующий себя как «трансгендерная женщина», может не делать гендерный переход по ряду обстоятельств (давление общества, медицинские противопоказания, отсутствие денег) и восприниматься окружающими как мужчина, т. е. иметь мужской гендер. Таким образом, если исследование призвано выявить уровень дискриминации, то важно будет выяснить не только то, с каким гендером идентифицируют себя респонденты, но также их гендерную репрезентацию и гендер, в котором их воспринимают. Для выяснения гендерной репрезентации можно задать вопрос с формулировкой: «Как вы представляетесь и одеваетесь в повседневной жизни?» — с вариантами ответов: «Всегда как женщина», «Чаще как женщина, чем мужчина», «Стараюсь выглядеть гендерно нейтрально», «Чаще как мужчина, чем женщина» и «Всегда как мужчина». Для выяснения гендера восприятия в одном из исследований был задан вопрос: «Воспринимаемое гендерное самовыражение?» — с вариантами ответов: «Очень феминное», «Несколько феминное», «В равной степени феминное и маскулинное», «Несколько маскулинное» и «Очень маскулинное» (Rider et al. 2018).

В зависимости от тематики исследования могут задаваться дополнительные вопросы, например, о гражданском поле, о прохождении медицинских вмешательств или о грамматическом роде, используемым человеком в разговоре о себе. В последнем случае в русскоязычных анкетах иногда используют кальку с английского, спрашивая про «ваши

местоимения» (например, «он», «она», «они»), что не совсем правильно, поскольку в русском языке, в отличие от английского, не только местоимения, но и другие части речи являются гендерированными. В русскоязычном варианте лучше использовать вопрос «Какой грамматический род вы используете при разговоре о себе?» со свободным полем для ответа, поскольку некоторые люди могут использовать разный род в зависимости от контекста (Kirey-Sitnikova 2021).

Что касается сексуальной ориентации трансгендерных респондентов, то во избежание путаницы, от какого пола она отсчитывается (анатомического, гендера или гендерной идентичности), рекомендуется избегать понятий «гомосексуальность» и «гетеросексуальность» (Кирей-Ситникова 2015: 33-35). В качестве замены можно спросить, привлекают ли человека женщины, мужчины или люди других гендеров, а также про конкретные сексуальные практики, если это релевантно. Например, в исследованиях сексуального здоровья можно спросить, занимается ли человек преимущественно вагинальным, анальным или иными видами секса, в активной или принимающей роли и др. Следует иметь в виду, что пол, гендер и гендерная идентичность людей, к которым испытывают влечение респонденты, может также не совпадать между собой: например, трансгендерную женщину могут привлекать другие трансгендерные женщины. Поэтому в данном вопросе можно также давать свободное поле для ответов. Было показано, что трансгендерные респонденты менее охотно делятся информацией о своей сексуальной ориентации, чем о гендерной идентичности, в связи с чем рекомендуется специально сообщать о целях сбора этих данных (Maragh-Bass et al. 2017).

Проблемы формирования выборки

Говоря о сборе демографических данных о трансгендерных респондентах, нельзя вкратце не упомянуть о сложностях (и даже лучше сказать — невозможности) формирования репрезентативной выборки. Это связано как с труднодоступностью данной группы для исследователей, так и с отсутствием общепринятых критериев включения-исключения, в связи с чем некоторые исследователи относят к трансгендерным людям пациентов с диагнозом «транссексуализм», в то время как другие опираются на самоидентификацию (Кирей-Ситникова 2021). Подходы к формированию выборки также отличаются и могут включать, например, набор пациентов, обращающихся за разрешением для перемены гражданского пола и медицинских вмешательств, поиск респондентов в «местах встреч» или выборки, направляемые респондентами (Кирей-Ситникова 2021). Даже выборки, сформированные одним методом, могут существенно отличаться по своим характеристикам. Например, среди пациентов Московского городского психоэндокринологического центра было представлено 87,5% трансгендерных мужчин и 12,5% трансгендерных женщин (Матевосян, Введенский, Кулиш 2009), в то время как среди обратившихся в Научный центр персонализированной психиатрии (Москва) для получения заключения для смены гражданского пола эти группы были представлены почти поровну (54 и 46%) (Соловьева и др. 2019). Применение онлайн-опросников, где респонденты набираются методом самоотбора, и рекрутинг в «местах встреч» позволяет включить более широкий спектр людей, которые определяют себя как трансгендерные, но при этом не обращаются в медицинские учреждения для получения диагноза «транссексуализм» и медицинского перехода. Так, выборка, полученная по результатам интернет-опроса, дала около 37% респондентов, имеющих различные варианты мужской гендерной идентичности («мужчина», «трансгендерный/транссексуальный мужчина», «ФТМ»), и 20%,

имеющих женскую идентичность, в то время как остальные имели небинарные идентичности («агендер», «бигендер», «гендерквир») (Kirey-Sitnikova 2017). При этом рекрутинг респондентов в Интернете сопряжён с рядом хорошо известных сложностей, таких как завышенная представленность молодёжи и жителей городов. Тем не менее эти недостатки могут компенсироваться возможностью доступа к респондентам с различной гендерной идентичностью и различными траекториями гендерного перехода. Исследования показали, что трансгендерные респонденты, заполняющие опросники в сети и в бумажном виде, значительно различаются по демографическим характеристикам и стилю поведения, в связи с чем рекомендуется совмещение различных подходов к сбору данных (Reisner et al. 2014).

Заключение

В заключение следует отметить, что в статье приведены лишь общие соображения, касающиеся формулировки вопросов о поле, гендере, гендерной идентичности и сексуальной ориентации трансгендерных людей. Основными принципами являются учёт многокомпонентности и изменчивости пола/гендера, в то время как конкретный набор вопросов и формулировки будут зависеть от целей исследования. Рекомендуется задавать как минимум 2 вопроса — о поле, приписанном при рождении, и гендерной идентичности — в то время как остальные являются опциональными. В целях обеспечения корректности и приемлемости формулировок для респондентов трансгендерным исследователям рекомендуется привлекать к разработке протокола исследования представителей трансгендерного сообщества. Говоря о проблемах формирования выборки трансгендерных респондентов, рекомендуется совмещать различные подходы, такие как набор пациентов, обращающихся за медицинской помощью в связи с гендерным переходом, набор в «местах встреч» и онлайн-опросники.

Литература

- Белкин А.И. (2000). *Третий пол (судьбы пасынков природы)*. М.: Олимп.
- Бухановский А.О., Андреев Ю.А. (1993). *Структурно-динамическая иерархия пола человека*. Ростов-на-Дону: Феникс.
- Демедецкая Я.А., Кумченко Р.С. (2016). Исследование самооценки и качества жизни у лиц с различными трансгендерными идентичностями. *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*, 11, 326–330.
- Иванова А.С. (2018). Особенности самосознания агендеров. *Инновации в науке*, 2(78), 32–35.
- Ларькина В.А., Почебут Л.Г. (2021). Особенности отношений в ЛГБТ-сообществе. *Российский девиантологический журнал*, 1(2), 245–264. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2021-2-245-264>
- Кирей-Ситникова Я. (2015). *Трансгендерность и трансфеминизм*. М.: Саламандра.
- Кирей-Ситникова Я. (2021). Социальные факторы в дизайне эпидемиологических исследований эффективности медицинских процедур трансгендерного перехода (аналитический обзор). *Социальные аспекты здоровья населения*, 67(6). <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2021-67-6-8>

- Матевосян С.Н., Введенский Г.Е., Кулиш С.Б. (2009). Клинико-феноменологические особенности мужского и женского транссексуализма. *Психическое здоровье*, 5, 35–38.
- Покровская А.В., Козырина Н.В., Гущина Ю.Ш., Юрин О.Г., Суворова З.К., Покровский В.В. (2016). Социально-демографический портрет пациента, живущего с ВИЧ и посещающего центры СПИД в России. *Терапевтический архив*, 88(11), 12-16. <https://doi.org/10.17116/terarkh2016881112-16>
- Семенова С., Шмик А., В. А. (2013). *Гендерная идентичность в эпицентре дискриминации: жизнь транс* людей в России*. Санкт-Петербург: ЛГБТ-организация «Выход».
- Симакова Л.С., Савина Н.Н. (2015). Личностные особенности FtM-трансгендеров. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*, 3, 69-93.
- Соловьева Н.В., Макарова Е.В., Вильянов В.Б., Креницкая С.А., Чаусова С.В., Кичук И.В. (2019). Социально-демографический портрет транссексуальных пациентов в России. *Медицинский совет*, 6, 148–153. <https://doi.org/10.21518/2079-701X-2019-6-148-153>
- Толкачев Д.С. (2021). Особенности исследований сексуальной ориентации: демографические характеристики российских гомосексуалов. *Демографическое обозрение*, 8(3), 74-95. <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i3.13267>
- Alpert A.B., Ruddick R., Manzano C. (2021). Rethinking sex-assigned-at-birth questions. *BMJ*, 373:n1261. <https://doi.org/10.1136/bmj.n1261>
- American Psychological Association (2015). Guidelines for psychological practice with transgender and gender nonconforming people. *American Psychologist*, 70(9), 832-864. <https://doi.org/10.1037/a0039906>
- Hughes I.A., Werner R., Bunch T., Hiort O. (2012). Androgen insensitivity syndrome. In *Seminars in reproductive medicine* (Vol. 30, No. 05, pp. 432-442). Thieme Medical Publishers. <https://doi.org/10.1055/s-0032-1324728>
- Kirey-Sitnikova Y. (2017). Who rejects depathologization? Attitudes of Russian-speaking trans people towards revision of ICD. *International Journal of Transgenderism*, 18(1), 79–90. <https://doi.org/10.1080/15532739.2016.1258351>
- Kirey-Sitnikova Y. (2021). Prospects and challenges of gender neutralization in Russian. *Russian Linguistics*, 45, 143–158. <https://doi.org/10.1007/s11185-021-09241-6>
- Maragh-Bass A.C., Torain M., Adler R., Ranjit A., Schneider E., Shields R.Y., ... Haider A.H. (2017). Is it okay to ask: transgender patient perspectives on sexual orientation and gender identity collection in healthcare. *Academic Emergency Medicine*, 24(6), 655-667. <https://doi.org/10.1111/acem.13182>
- National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine (2022). *Measuring Sex, Gender Identity, and Sexual Orientation*. Washington, DC: The National Academies Press. <https://doi.org/10.17226/26424>
- Reisner S.L., Conron K., Scout N., Mimiaga M.J., Haneuse S., Austin S.B. (2014). Comparing in-person and online survey respondents in the US National Transgender Discrimination Survey: Implications for transgender health research. *LGBT health*, 1(2), 98-106. <https://doi.org/10.1089/lgbt.2013.0018>

- Rider G.N., McMorris B.J., Gower A.L., Coleman E., Eisenberg M.E. (2018). Health and care utilization of transgender and gender nonconforming youth: A population-based study. *Pediatrics*, 141(3). <https://doi.org/10.1542/peds.2017-1683>
- Schotel A.L., Mügge L.M. (2021). Towards Categorical Visibility? The Political Making of a Third Sex in Germany and the Netherlands. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 59(4), 981-1024. <https://doi.org/10.1111/jcms.13170>
- Tate C.C., Ledbetter J.N., Youssef C.P. (2013). A two-question method for assessing gender categories in the social and medical sciences. *Journal of Sex Research*, 50(8), 767-776. <https://doi.org/10.1080/00224499.2012.690110>
- Timmermans S., Yang A., Gardner M., Keegan C.E., Yashar B.M., Fechner P.Y., Shnorhavorian M., Vilain E., Siminoff L.A., Sandberg D.E. (2019). Gender destinies: assigning gender in Disorders of Sex Development-Intersex clinics. *Sociology of Health & Illness*, 41(8), 1520-1534. <https://doi.org/10.1111/1467-9566.12974>